

ВЕЛИКАЯ ПОЭЗИЯ

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

—
Здесь вам не равнина...

Издательство АСТ
Москва

УДК 82-192
ББК 84(2Рос=Рус)6
В93

Дизайн серии *Елены Амосовой*

Высоцкий, Владимир Семёнович.
В93   Здесь вам не равнина... / Владимир
Высоцкий. — Москва : Издательство АСТ,
2024. — 224 с. — (Великая поэзия).

ISBN 978-5-17-160874-3

Владимир Высоцкий (1938–1980) — легенда театра, кинематографа и бардовской песни, кумир миллионов. Он заслужил славу и любовь за то, что всегда пел искренне, писал от души, играл своих героев живо и ярко и говорил со своим зрителем на одном языке.

В этой книге собраны самые известные стихотворения и песни Владимира Высоцкого: «Кони привередливые», «Серебряные струны», «Спасите наши души», «Она была в Париже» и многие другие, которые знают и поют по всей стране. Дружба и предательство, выбор жизненного пути, любовь и разочарование — вот лишь некоторые из множества тем его стихотворений, которые давно стали «энциклопедией русской жизни».

УДК 82-192
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Высоцкий В., наследники, 2024
ISBN 978-5-17-160874-3   © ООО «Издательство АСТ», 2024

*Серебряные
струны*

Песни 1960–1966 годов

* * *

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек — у щипачей, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —
Но кто-то там однажды скурвился, ссучился —
Шепнул, навел — и я сторел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько,
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали все, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, неправ.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем же быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1962

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ

У меня гитара есть — расступитесь, стены!
Век свободы не видать из-за злой фортуны!
Перережьте горло мне, перережьте вены —
Только не порвите серебряные струны!

Я зароюсь в землю, сгину в одночасье —
Кто бы заступился за мой возраст юный!
Влезли ко мне в душу, рвут ее на части —
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею — и свободу, —
Упирался я, кричал: «Сволочи, паскуды!
Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду —
Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли,
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, —
А теперь порвали серебряные струны...

1962

ТОТ, КТО РАНЬШЕ С НЕЮ БЫЛ

В тот вечер я не пил, не пел —

Я на нее всю глядел,

Как смотрят дети, как смотрят дети.

Но тот, кто раньше с нею был,

Сказал мне, чтоб я уходил,

Сказал мне, чтоб я уходил,

Что мне не светит.

И тот, кто раньше с нею был, —

Он мне грубил, он мне грозил.

А я все помню — я был не пьяный.

Когда ж я уходить решил,

Она сказала: «Не спеши!»

Она сказала: «Не спеши,

Ведь слишком рано!»

Но тот, кто раньше с нею был,

Меня, как видно, не забыл, —

И как-то в осень, и как-то в осень —

Иду с дружкой, гляжу — стоят, —

Они стояли молча в ряд,

Они стояли молча в ряд —

Их было восемь.

Со мною — нож, решил я: что ж.
Меня так просто не возьмешь, —
    Держитесь, гады! Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать,
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда —
    Так было надо.

Но тот, кто раньше с нею был, —
Он эту кашу заварил
    Вполне серьезно, вполне серьезно.
Мне кто-то на плечи повис, —
Валюха крикнул: «Берегись!»
Валюха крикнул: «Берегись!» —
    Но было поздно.

За восемь бед — один ответ.
В тюрьме есть тоже лазарет, —
    Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек.
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
    И я держался.

Разлука мигом пронеслась,
Она меня не дождалась,
    Но я прощаю, ее — прощаю.
Ее, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
    Не извиняю.

Ее, конечно, я простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, —
    Я повстречаю!

1962

БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ

Левону Кочаряну

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Помнишь ли, товарищ, этот дом?
Нет, не забываешь ты о нем.
Я скажу, что тот полжизни потерял,
Кто в Большом Каретном не бывал.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

Переименован он теперь,
Стало все по новой там, верь не верь.
И все же, где б ты ни был, где ты ни бредешь,
Нет-нет да по Каретному пройдешь.
Еще бы, ведь

Где твои семнадцать лет?
На Большом Каретном.
Где твои семнадцать бед?
На Большом Каретном.
Где твой черный пистолет?
На Большом Каретном.
А где тебя сегодня нет?
На Большом Каретном.

1962

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара — без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю — не имею права, —
Можно лишь — от двери до стены.
Мне нельзя налево, мне нельзя направо —
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны — про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Кто меня там встретит, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963